

В домашнем кинотеатре не было ни кровати, ни подушек, ни одеяла.

Пэй Янь без лишних слов вытянул из кресла мягкий валик, подложил его под поясницу Чжоу Дафэя, а когда всё закончилось, укрыл его своим пиджаком.

Мелодия Чайковского всё так же неторопливо крутилась на повторе — плавно, размеренно и меланхолично. Пэй Яню эта пьеса смутно казалась знакомой. В ней не было резкости или надрыва, но каждый её аккорд дышал поразительной, тихой и печальной романтикой.

В комнате всё ещё витал душный, сладковатый запах недавней близости. Чжоу Дафэй лежал рядом, его веки то и дело смыкались. После долгой, изнурительной нежности он наконец погрузился в глубокий сон. Пэй Янь сидел рядом с ним, чувствуя, как утихает буря в его собственной душе.

Пэй Янь никогда всерьёз не верил, что у Чжоу Дафэя есть какой-то настоящий, стоящий кинорежиссёрский талант.

Среди студентов-финансистов тот, возможно, и выделялся, но по меркам Пэй Яня его скромных способностей не хватало даже для робкого старта. В любом ремесле есть свой порог входа, и чтобы достичь вершин профессионализма, требуется такое упорство, о котором любители даже не догадываются.

В мире полно дилетантов, ослеплённых собственным невежественным энтузиазмом и мнящих себя непризнанными гениями. Пэй Янь слишком хорошо изучил тёмные стороны человеческой натуры, чтобы питать иллюзии на их счёт. Для него все эти творческие порывы любителей мало чем отличались от измены малодушного супруга под предлогом обретения «истинной любви» — обычная попытка сбежать от унылой, изнуряющей рутины будней в поисках дешёвой романтики и сиюминутного утешения.

Киноиндустрия — жестокое ремесло, этот хлеб не каждому по зубам. Даже среди дипломированных выпускников профильных вузов посредственности пруд пруди. Если позволить этим мечтателям превратить своё хобби в работу, они не протянут и трёх месяцев.

Никто ведь не ждёт от домашней игрушки выдающегося ума или искры гениальности. Именно так Пэй Янь всегда и относился к Чжоу Дафэю.

По крайней мере, до недавнего времени.

Чжоу Дафэй спал крепко и вряд ли должен был проснуться в ближайший час. Пэй Янем вдруг овладело любопытство — сродни тому, что испытывает маститый профессор, решивший шутки ради полистать курсовую работу первокурсника. Ему безумно захотелось взглянуть, над каким это сценарием его подопечный изо дня в день тайно корпит в своей каморке.

Пэй Янь не стал выключать музыку. Пользуясь тем, что Чжоу Дафэй спит, он тихо прошёл в кладовую.

Парень, очевидно, даже помыслить не мог, что Пэй Яню взбредёт в голову копаться в его бумагах. Чемодан стоял незапертым, и исписанные листы лежали внутри бесформенной кучей.

Пэй Янь бережно перебрал бумаги. Первое, что бросилось в глаза — каллиграфический почерк Чжоу Дафэя. Такие чёткие, изящные штрихи вырабатываются годами тренировок с перьевой ручкой ещё в раннем детстве. Текст, усеявший всю страницу острыми, размашистыми буквами, почти завораживал. Этот почерк в точности отражал характер владельца — слишком резкий, бескомпромиссный и колючий.

Пэй Янь вытащил несколько сложенных листов, лежавших поверх остальных, развернул их и принялся читать.

На первых страницах был набросок сценария, следом шли незаконченные раскадровки. Пэй Янь читал невероятно быстро — скользя взглядом по строчкам, он мгновенно уловил общую концепцию.

Глубокая идея, тонкая иносказательная форма, изящный слог. Почти во всех сценах сквозил трагический надрыв, где уродство переплеталось с красотой, а надежда — с отчаянием. Классическое авторское кино. Пэй Янь и сам баловался подобным, когда ему едва перевалило за двадцать.

Причём писал он мастерски, безупречно чувствуя грань дозволенного для массового зрителя. Он умел подать материал так, что при желании его понимали все, а при нежелании — никто, заставляя маститых профессоров академии разводить руками от восторга.

Но ближе к выпуску Пэй Янь осознал простую истину: подобные сценарии годятся лишь на то, чтобы тешать собственное эго и вызывать зависть у бездарных коллег. Практической пользы от них не было никакой. И главное — они не приносили денег. Некоммерческое искусство имеет право на существование, но делиться им с миром — непозволительная роскошь.

Киноиндустрия лишь со стороны кажется обителью свободы, на деле же её рамки и догмы жёстче тюремных. Больше всего Пэй Янь презирал этих местечковых писак — напыщенных, обделённых талантом идеалистов, которые строили из себя великих творцов, но при этом отчаянно жаждали набить карманы купюрами. В студенческие годы его мало волновало, что критики обвиняют его в излишней сложности, а после выпуска ему стало глубоко плевать на упрёки в «недостаточной художественности».

"Что эти бездари вообще смыслят? — высокомерно подумал Пэй Янь. — К чёрту их всех. Я буду снимать то, что хочу. Когда я творю искусство, они всё равно ничего не понимают, а когда решаю делать деньги, никто не в силах мне помешать"

За внешней строгостью Пэй Янь скрывалась нездоровая тяга к манипуляциям и каверзам. Время от времени он позволял себе зашифровать в откровенно коммерческих картинах тончайшие авторские метафоры. Тот факт, что никто вокруг не способен был их разгадать, доставлял ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Так было и с ролью Шэнь Цзуя.

Выбирая Шэнь Цзуя на эту роль, Пэй Янь руководствовался не только холодным коммерческим расчётом. Тот считался по-настоящему сильным актёром, и режиссёру нетерпелось проверить, чего на самом деле стоит этот признанный «идол» интеллектуального кино. У Шэнь Цзуя, несомненно, была база, но его постоянно что-то отвлекало, или же сказывалась внутренняя суета. Словом, надежд ценителей высокого искусства он не оправдал.

Пэй Янь никогда не раскрывал свои скрытые подтексты, полагая, что подлинная красота искусства не терпит пошлых объяснений. Он хранил молчание, но разочарование в игре Шэнь Цзуя крепло, лишь укрепляя его в мысли, что хваленый артхаус — не более чем пустышка.

Однако там, где хваленый мэтр оказался слеп, Чжоу Дафэй разглядел суть с первого взгляда и безжалостно озвучил её. Пэй Янь задумчиво прищурился и снова пробежался глазами по страницам его сценария.

Пусть тексту недоставало зрелости, в нём чувствовалась искра. Сильный, дерзкий авторский почерк выдавал взрывной и упрямый нрав Чжоу Дафэя. Сопоставив это с тем, как точно парень уловил суть роли Шэнь Цзуя, Пэй Янь против воли ощутил укол странной, почти собственнической гордости.

"Видите? — самодовольно усмехнулся Пэй Янь. — Даже игрушка, которую я содер­жу, смыслит в кино больше, чем весь ваш легион бездарей"

Впрочем, он и сам не мог до конца понять: то ли у Чжоу Дафэя действительно был редкий дар чувствовать драматургию, то ли парень просто слишком хорошо изучил своего хозяина. Обе версии одинаково ласкали его самолюбие. Пэй Янь впервые поймал себя на мысли, что ему жизненно необходим человек, способный понять его без слов — пускай даже этот понимающий вечно огрызается и проклинает его сквозь зубы.

На лестнице послышались шаги — Чжоу Дафэй наконец проснулся.

Пэй Янь без суеты сложил листы, убрал их обратно в чемодан и вышел в коридор. То обстоятельство, что Чжоу Дафэй так отчаянно горел кинематографом, странным образом успокаивало. Это означало, что парень увязает в расставленных сетях всё глубже и уже вряд ли сможет вырваться.

— Проголодался? — спросил Пэй Янь.

— Немного, — Чжоу Дафэй как раз спускался по ступеням и обернулся на его голос. — Я думал, ты уже внизу.

— Нет. — Пэй Янь позволил себе мягкую, искреннюю улыбку и осторожно перехватил ладонь Чжоу Дафэя. — Уже поздно. Не надейся на ночь, а завтра утром я велю купить тебе блинчиков цзяньбин.

—...

— Ладно.

Чжоу Дафэй лишь неопределённо кивнул. Он всерьёз подозревал, что из-за своего запредельного богатства Пэй Янь давно утратил всякую связь с реальностью и искренне считал, будто его подопечный не в состоянии самостоятельно купить себе даже копеечный уличный фастфуд.

Чжоу Дафэй действительно собирался лечь спать на голодный желудок, но после столь изнурительного секса голод заявил о себе во весь голос. На часах было уже начало десятого. В холодильнике нашлись замороженные домашние вонтоны. Если их отварить, добавить немного маринованной горчицы, сушёных креветок, водорослей и щепотку белого перца, получится превосходный наваристый бульон.

— В Хэндяне нам осталось всего несколько дней, — заметил Пэй Янь.

— Знаю, — Чжоу Дафэй умудрился запихнуть в рот сразу три вонтона и теперь смешно дышал, пытаясь охладить обжигающую начинку. — Видел в расписании съёмок.

— Есть ли поблизости места, которые ты хотел бы посетить? — Пэй Янь ел с безупречным изяществом — аккуратно подцеплял ложкой один вонтон вместе с бульоном. — Можешь съездить куда-нибудь, если интересно.

Эта внезапная забота застала Чжоу Дафэя врасплох.

— Ты же сам говорил, что тут со скуки умереть можно, — удивился он.

— Это мне тут скучно, — упрямо парировал Пэй Янь. — Откуда мне знать, к какой ерунде потянется твой извращённый интерес?

Чжоу Дафэй лишь хмыкнул, так и не выдав своих планов.

— Когда закончим в Хэндяне, куда едем на натурные съёмки? — спросил он.

— В Чунцин, — Пэй Янь сделал глоток бульона. — Но сначала вернёмся в Шанхай на короткий перерыв. Ян Тяню нужно отпраздновать день рождения дочери.

Чжоу Дафэй поперхнулся и уставился на него в крайнем изумлении:

— Дочь? У оператора-постановщика Яна есть дочь? Вы же с ним сокурсники, разве нет?

— И что с того? — Пэй Янь посмотрел на него как на дикаря. — Ей всего два года.

Чжоу Дафэй на мгновение завис, затем отложил ложку, достал телефон и принялся быстро стучать по экрану.

— Ты чем там занят? — нахмурился Пэй Янь.

— Ищу в интернете твой возраст, — невозмутимо отозвался тот.

—...

Пэй Янь недовольно поджал губы:

— Я же велел тебе заглянуть в Бaidu и посмотреть мою дату рождения. Ты так и не удосужился?

Чжоу Дафэй замер. Естественно, он начисто забыл об этом разговоре.

Пэй Янь издал холодный смешок:

— Ну так поспеши.

Пэй Яню в этом году исполнялось тридцать. Его день рождения приходился на август. Ирония судьбы заключалась в том, что тридцать лет назад день его появления на свет по лунному календарю совпал с пятнадцатым числом седьмого месяца.

В народе этот день зовётся Праздником голодных духов. То бишь, Днём призраков.

— Учитель, а вы обычно... — Чжоу Дафэй не выдержал и откровенно прыснул, — по какому календарю празднуете? По лунному или по солнечному?

Пэй Янь прекрасно понял, куда клонит этот негодник. Он сурово свёл брови:

— Повтори, что ты сказал?

Чжоу Дафэй, вдоволь наосмехавшись, поспешил сменить тему, пока режиссёр не перешёл к карательным мерам:

— Учитель Пэй, Чунцин — город крайне колоритный. Ты уверен, что персонажи должны говорить исключительно на путунхуа? Не покажется ли это неестественным?

Пэй Янь слегка прищурился. В последнее время он перестал уклоняться от профессиональных дискуссий с Чжоу Дафэем.

— Если уж эта мысль пришла в твою голову, неужели ты думаешь, что я её упустил? — многозначительно ответил он. — Раз уж ты так хорошо понимаешь мои сценарии, попробуй угадать сам.

Чунцин — город уникальный во всех отношениях: от самого сложного горного рельефа и густых туманов до самобытного говора и огненной кухни. Его безумная многоуровневая архитектура порой рождает стойкое ощущение киберпанковского будущего, где фантастика причудливо переплетается с приземлённым бытом окраин.

— Ты хочешь подчеркнуть... — Чжоу Дафэй на мгновение задумался. — Повествование ведётся от лица главного героя. По сюжету он приезжий, чужак. Для него путунхуа естественен, и это лишний раз выделит его отчуждённость, его неуместность в чужом городе. И в то же время, если окружающие его люди вопреки всякой логике тоже заговорят на чистом путунхуа, возникнет ощущение зыбкого полусна, где реальность стирается, и зритель теряет ориентиры.

— В самом фильме название города звучать не будет, — ответил Пэй Янь. Он явно остался доволен ходом мыслей Чжоу Дафэя; подобная откровенность в обсуждении собственного творчества была для него редкостью. — Почти все диалоги пойдут на стандартном китайском. Только у персонажа Би Цзяцзя проскользнет пара реплик на диалекте — она ведь сама родом из Чунцина. На постпродакшене мы добавим немного чунцинского говора на задний план, чисто в качестве фонового шума толпы. Его будет минимум. Этого вполне достаточно, чтобы обозначить колорит. Моя лента в принципе далека от сухого реализма.

Чжоу Дафэй задумчиво кивнул. Действительно, если рассматривать сценарий с точки зрения бытовой логики, вопросов возникнет уйма. С какой стати одиннадцатиклассник посреди учебного года вдруг срывается и переводится в чужой город? Или почему местные жители, чей диалект понятен любому в провинциях Сычуань и Чунцин, общаются между собой исключительно на безупречном столичном путунхуа?

Не объясни ему Пэй Янь свой концепт, Чжоу Дафэй непременно внес бы все эти нестыковки в свой список «грехов режиссёра», чтобы лишний раз доказать себе, что Пэй Янь снимает дешёвую подделку.

— С точки зрения обычного зрителя, что первым приходит тебе в голову при упоминании Чунцина? — неожиданно поинтересовался Пэй Янь.

— Речные волны у пристани Чаотяньмэнь, — Чжоу Дафэй мгновенно уловил суть вопроса. — Мне кажется, в самом начале достаточно пустить десятисекундный аудиоряд: плеск бурной реки, шипение масла в хого и неразборчивый гул местной речи. Можно даже оставить экран чёрным, без картинки. Окружение сразу оживёт в воображении зрителя.

— А я надеялся, что у тебя более оригинальный взгляд на этот город, — Пэй Янь пристально посмотрел на него, одним махом вернув беседу из эмпирических высот искусства на грешную землю.

Чжоу Дафэй умел уступать, когда это требовалось. Он не стал спорить. Спокойно зачерпнул ложкой последний вонтон, отправил его в рот и произнёс:

— Крепость Дяюйчэн. Она довольно далеко от центра города, но если выкрою время, очень хочу туда съездить.

В чунцинском районе Хэчуань находится древняя крепость Дяюйчэн. Во времена династии Южная Сун монгольская орда наводила ужас на всю Евразию; Чингисхана европейцы нарекли «Бичом Божьим». Позже его внук, великий хан Мунке, лично возглавлял поход на Южную Сун, но нашёл свою гибель именно под стенами Дяюйчэна. Эта смерть запустила цепочку событий, которая остановила монгольскую экспансию и навсегда изменила ход истории континента. С тех пор историки называют эти края «местом, где переломился бич Божий».

Хотя в биографии Пэй Яня значилось, что он уехал в Штаты ещё в старших классах школы, эта историческая метафора была ему отлично знакома.

— Хорошо, — кивнул он. Будучи человеком деликатным и аккуратным, он вытянул из салфетницы бумажный платок и протянул его Чжоу Дафэю, указывая на уголок его рта. — Наелся?

Чжоу Дафэй взял салфетку. Пэй Янь сегодня проявлял какую-то подозрительную мягкость — даже профессиональные разговоры его не раздражали. Когда всё идёт слишком гладко, жди подвоха. Единственным разумным объяснением было то, что Пэй Янь остался чертовски доволен сегодняшним днём. Точнее — сегодняшним Чжоу Дафэем.

Доволен либо сексом, либо тем, что тот разгадал его режиссёрский замысел.

Но какова бы ни была причина, лёд явно тронулся. А значит, Чжоу Дафэю следовало ковать железо, пока горячо, и поддерживать этот неожиданный фавор.

Ночью в спальне на втором этаже они повторили всё сначала. Чжоу Дафэй уже научился приспосабливаться к чужим желаниям и в постели чувствовал себя куда увереннее, если не сказать — как рыба в воде.

Чжоу Дафэй лежал, уткнувшись лицом в грудь Пэй Яня. В свои тридцать тот был далёк от увядания, олицетворяя ту холёную, весомую зрелость, которой неопытные юнцы завидуют до скрежета зубовного. Она одновременно раздражала и манила вопреки всякой логике. Крепкое, горячее тело Пэй Яня дарило приятное ощущение безопасности — если только не думать о том, кому принадлежит этот размеренный стук сердца.

В конце концов, человек способен испытывать влечение не только к родственной душе, но и к чистой материи, к плотской оболочке. Чжоу Дафэй прекрасно понимал, что обделён актёрским даром. Фальшивая игра никогда бы не обманула искущённого Пэй Яня. Единственный способ выжить в этой ловушке — заставить себя поверить в собственную ложь, взрастить в глубине души искренний трепет к человеку, которого он презирал.

— О чём задумался? — спросил Пэй Янь, уловив секундную отстранённость партнёра.

— Думаю... — Чжоу Дафэй шёл ва-банк, сознательно разжигая в себе огонь, подпитываемый телесным жаром. Прикрыв веки, он прижался губами к выступающему кадыку Пэй Яня в мимолётном, обманчиво-нежном поцелуе, и хрипло прошептал прямо в шею: —...что твоя паршивая душа совершенно не заслуживает столь великолепного тела.

—...

— Моя душа весьма великодушна, — Пэй Янь шутливо сдавил его шею локтем, притягивая ближе. — Благодарю за столь высокую оценку моей брэнной плоти.

Чжоу Дафэй тихо рассмеялся — этот смех напоминал ухмылку дьявола, манящего в ворота рая.

За окном сгущался туман, укрывая мир плотным саваном.

Прошедшая ночь уступила свои права, и время медленно перевалило за полночь, открывая дорогу новому дню. Наступил час первозданной, глухой тьмы.

<http://bllate.org/book/19003/1934054>